[15] *Так в ркп.*
[16] См.: *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси (историко-бытовые очерки XI–XIII). Л., 1947.
[17] А. А. Фурсенко.
[18] *Здесь текст ркп оборван.*
[19] Р. Ш. Ганелин.
[20] *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка. С. 335.
[21] *На этом заканчивается основной текст. Далее под знаками *–** нами воспроизведена страничка без начала, приложенная к нему.*
[22] *Конец предложения зачеркнут:* время идеологического гнета, принудительного единомыслия, проработок и репрессий.

References
GANELIN R. Sh. *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdu soboy*. St Petersburg, 2006.
NAZIMOVA A., SHEYNIS V. "*Radik Tsimerinov. Proschanie*" // Cogita!ru [blog A. N. Alekseeva]. 2017. 20.08.
PANEYAH V. M. *Tvorchestvo i sudba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov*. St Petersburg, 2000.
ROMANOV B. A. *Lyudi i nravy drevney Rusi (istoriko-byitovyie ocherki XI–XIII)*. Leningrad, 1947.

Список литературы
Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. СПб., 2006.
Назимова А., Шейнис В. «Радик Цимеринов. Прощание» // Cogita!ru [блог А. Н. Алексеева]. 2017. 20.08.
Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси (историко-бытовые очерки XI–XIII). Л., 1947.

В. Г. Вовина-Лебедева. Попытка самоанализа: о несостоявшихся мемуарах В. М. Панеяха

В. Г. Вовина подготовила к печати незаконченные мемуары своего учителя, известного историка и многолетнего сотрудника СПбИИ РАН В. М. Панеяха, посвященные детству, школьным годам в эвакуации и послевоенном Ленинграде и началу обучения на историческом факультете Ленинградского университета. В своих воспоминаниях В. М. уделяет внимание некоторым коллегам и преподавателям университета, например В. В. Мавродину, и также своему учителю Б. А. Романову. Публикация снабжена вводной статьей и постраничными примечаниями по воспроизведению текста.
Ключевые слова: Б. А. Романов, исторический факультет Ленинградского университета, Л. Е. Кертман.

V. G. Vovina-Lebedeva. An attempt of introspection: about the failed memoirs of V. M. Paneyakh

V. G. Vovina prepared the publication unfinished memoirs of her teacher V. M. Paneyakh — a well-known historian, a long-time member of St. Petersburg Institute of History RAS — devoted to his childhood, school years in evacuation and post-war Leningrad and the beginning of his studies at the historical faculty of the Leningrad University. In this memoirs V. M. mentioned some colleagues and professors of the university, for example, V. V. Mavrodin, and especially Paneyakh's teacher B. A. Romanov. The publication is provided with a preface and with notes about the reproduction of the text.
Key words: B. A. Romanov, Faculty of History, Leningrad University, L. E. Kertman.

Вовина, Варвара Гелиевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
Vovina, Varvara — Dr, Leading Researcher, St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.
e-mail: varvara_vovina@mail.ru

УДК 930
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00083

Е. А. Ростовцев

В. М. Панеях как историограф и историк науки[1]

Виктор Моисеевич Панеях (1930–2017) — крупный российский историк, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Различные аспекты творчества и научной деятельности В. М. Панеяха привлекали внимание и при жизни ученого — включая отклики на его труды, посвященные ему юбилейные публикации[2]. Кончина Виктора Моисеевича стала основанием для появления серии мемориальных публикаций[3]. Однако осмысление научного наследия В. М. Панеяха еще впереди. Настоящую статью автор рассматривает как попытку начала исследования одной из наиболее важных сторон творчества Панеяха, связанную с его работами в области историографии и истории исторической науки.

В. М. Панеях оставил более 200 научных работ. Из них почти половина (примерно 90) текстов посвящена в значительной степени интересующему нас проблемному полю. При этом количество публикаций, имеющих непосредственное отношение к истории науки и историографии, непрерывно нарастает с конца 1970-х гг.[4] Некоторые из этих работ были переизданы автором в 2005 г. в сборнике «Историографические этюды»[5]. С моей точки зрения, условно можно выделить два периода творчества В. М. Панеяха как историографа: *первый период* — с начала 1950-х до середины 1990-х — когда работы по истории науки и историографии занимали важное, но всё же периферийное место в его творчестве, и *второй период* — с середины 1990-х до самых последних лет жизни — когда они стали центральными. В то же время следует подчеркнуть единство историографических штудий В. М. Панеяха, которые отражали развитие его взглядов на отечественную историческую науку и становление концепции ее истории.

Историографические тексты первого выделенного периода творчества В. М. Панеяха главным образом связаны с его живой и постоянной реакцией на работы коллег. Собственно, его первым выступлением в научной печати стала рецензия на книгу А. Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI в.» (1951)[6]. Автор рецензии впоследствии вспоминал обстоятельства создания этого текста, которые были связаны с обсуждением книги Манькова на Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук, в котором, по приглашению своего учителя Бориса Александровича Романова (1889–1957), принял участие и Панеях, тогда студент четвертого курса исторического факультета Ленинградского университета. На основе этого выступления Панеях подготовил текст, который благодаря содействию Б. А. Романова и В. К. Яцунского вскоре был опубликован в журнале «Вопросы истории»[7].

Надо отметить, что в это время публикация студентом-историком статьи в солидном научном журнале — событие само по себе неординарное. Эта небольшая рецензия способствовала созданию научной репутации В. М. Панеяха, его вхождению в профессиональную корпорацию. Уже в этом раннем произведении видны особенности его научного профессионального стиля. Изложение Панеяха — строгое, лаконичное, в центре внимания автора анализ источников, лежащих в основе рецензируемого труда, и методов их изучения. В целом позитивно оценивая рецензируемую книгу, Панеях оказался совершенно прав в том отношении, что «специалисты по экономической истории будут обращаться к собранному А. Г. Маньковым материалу как к богатому источнику»[8]. Однако и сегодня ее лучше читать вместе с рецензией Панеяха, который проверил и внес существенные коррективы в целый ряд подсчетов и статистических выкладок автора.

Следующая большая рецензия принадлежит перу уже сложившегося ученого — речь идет об отзыве В. М. Панеяха на книгу Р. В. Овчинникова «Пушкин в работе над архивными документами» (1969)[9]. С моей точки зрения, этот текст интересен прежде всего тем, что, отталкиваясь от суждений автора рецензируемого сочинения относительно творческой лаборатории А. С. Пушкина, Панеях, пожалуй, впервые четко формулирует свое критическое отношение к «интуитивному методу оценки источников». Как заявляет рецензент, «и в прошлом, и сейчас историки не исключают возможности и плодотворности использования в иных случаях интуитивного момента в оценке исторического источника. Однако давно уже признано необходимым проверять интуитивные ощущения научными методами критики. Тем менее оправданным может быть признан прием, при котором историк считает факты достоверными, основываясь на представлении о возможности того или иного события. Именно на этом пути было допущено много ошибок принципиального характера, и если Р. В. Овчинников полагает, что Пушкин применял такой прием (в чем, повторяем, мы сомневаемся), то, с нашей точки зрения, необходимо было дать ему критическую оценку»[10].

В этом суждении проявилось резкое неприятие В. М. Панеяхом подхода, который ставил любое «догматичное» / «априорное» / «гипотетичное» / «не доказанное» суждение в основу источниковедческого или конкретно-исторического исследования. С годами полемический настрой против того, что Панеяху казалось отражением такого подхода, только усиливался. Рецензия на монографию В. И. Корецкого «Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в.» (1970) показалась тогдашней редколлегии журнала «История СССР» настолько резкой, что автору пришлось ее значительно сократить и «смягчить», и в первоначальном варианте она была опубликована только в упомянутом сборнике 2005 г.[11] Если в рецензии на книгу А. Г. Манькова у Панеяха есть лишь определенная доля скепсиса против следования автора некоторым априорным суждениям, характерным для господствующих в советской историографии схем (а именно переоценки степени складывания всероссийского рынка), то в отзыве на книгу В. И. Корецкого основные критические замечания как раз и направлены против подчинения концепции автора некой «социологической закономерности, действующей с фатальной неотвратимостью», согласно которой «развитие производительных сил вызывает социальные сдвиги», обусловливающие неизбежность процесса закрепощения крестьянства. Схему В. И. Корецкого В. М. Панеях считал своеобразной интерпретацией общей концепции социально-экономического развития Древней и Московской Руси, сформированной в трудах Б. Д. Грекова. Разумеется, в основе этой концептуальной критики — тщательный критический анализ методики работы В. И. Корецкого с источниками[12]. Думается, однако, что на тоне рецензии сказалось и негативное отношение ее автора к любым формам «догматического марксизма» в историческом построении, одной из разновидностей которого для него и являлась концепция Грекова. Следует учитывать, что «догматический марксизм» в сознании историков его поколения также неразрывно был связан с формами авторитарного идеологического контроля над наукой. Это обстоятельство, кстати, было одной из причин поддержки Панеяхом И. Я. Фроянова в 1970-е — первой половине 1980-х гг., в период формулирования последним альтернативной господствующей «грековской» концепции социально-экономического развития Древней Руси[13]. Неприятие практик директивного управления наукой 1960-х — 1980-х гг. с позиций вульгарного патриотизма отразилось и в выступлениях В. М. Панеяха в поддержку А. А. Зимина, против которого в связи с его гипотезой о позднем происхождении «Слова о полку Игореве» была развернута настоящая травля[14].

Помимо упомянутых рецензий, принадлежащих перу В. М. Панеяха, нельзя кратко не остановиться также на его статьях 1970–1990-х гг. по проблемам истории науки. Пожалуй, наиболее важными с точки зрения реконструкции его собственной позиции были труды, посвященные наследию одного из старших современников и коллег ученого — Сигизмунда Натановича Валка (1887–1975). Прежде всего это текст «Проблемы дипломатики частного акта в трудах

С. Н. Валка» (1978)[15]. В. М. Панеях первым наглядно показал существенные расхождения в подходах к дипломатике между С. Н. Валком и его учителем А. С. Лаппо-Данилевским. В своих рассуждениях Панеях отталкивался как от работ Валка по дипломатике, так и от другого известного его текста «Воспоминания ученика», который традиционно воспринимался как свидетельство приверженности Валка идеалам учителя. Панеях же справедливо указал на то, что для Лаппо-Данилевского главенствующим является юридический принцип разграничения актов, а для Валка — дипломатический. Иными словами, если Лаппо-Данилевский положил в основу своей системы дипломатики разграничение публичного и частного права, то Валк — принадлежность акта к определенной канцелярии. Кроме того, Валк предлагал иначе с формальной точки зрения рассмотреть структуру формуляра акта. Действительно, концепция развития русского частного акта С. Н. Валка преодолевала установки методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского, для которого акт — прежде всего явление чужой психической одушевленности[16]. Валк же смотрел на акт с дипломатической точки зрения. Она была менее абстрактна, и, согласно Панеяху, давала необходимый инструментарий для исследования. Вообще Панеях критически относился к абстрактным построениям, в том числе Лаппо-Данилевского, которые казались ему догматическими.

В. М. Панеях также реконструировал ходы мысли С. Н. Валка, связанные с созданием единой картины развития русского частного акта, доказывая его позднее происхождение, анализируя вслед за Валком целый ряд конкретных грамот. Изложение Панеях строит с тщательным учетом историографического контекста, по большей части очевидно солидаризируясь с точкой зрения Валка. Интересно, что некоторые априорные по характеру аргументы оппонентов Валка вызывают особо настороженное отношение Панеяха. Например, М. Н. Тихомиров в споре с С. Н. Валком подчеркивал, что мнение о подлинности ряда актов совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в Киевское время. Такой «абстрактно-патриотический» подход вызывал отторжение у В. М. Панеяха. Позднее Панеях развил свои построения, высказанные в этой работе, в другой известной статье — «Время возникновения древнерусского частного акта: (Историографические заметки)» (1994). Отметим, что эта работа с точки зрения системности изложения (для каждой спорной грамоты дается детальной обзор историографии) не утратила своего значения и сегодня[17].

Из других работ В. М. Панеяха первого периода его творчества как историографа можно указать еще на ряд текстов, связанных с деятельностью историков его круга. Это статьи, посвященные творчеству Александра Ильича Копанева (1915–1990)[18], Александра Александровича Зимина (1920–1980)[19], Владимира Борисовича Кобрина (1930–1990)[20].

Для понимания отношения В. М. Панеяха как к задачам историографии, так и к реконструкции истории науки прежде всего важны работы, посвященные А. А. Зимину, к которому Панеях относился очень тепло, с которым несмотря

на разницу в возрасте (10 лет) у него были дружеские отношения. В особенности следует обратить внимание на рецензию, посвященную анализу посмертно (1991) вышедшего труда Зимина «Витязь на распутье». Отклик Панеяха на труд покойного друга не ограничивается только анализом «Витязя на распутье», но в значительной мере представляет эволюцию взглядов и методов Зимина, как она виделась Панеяху. Анализируя творчество Зимина, он показывает, как тот отходил от «социологического догматизма» к «прагматическому подходу к истории России». Именно эта эволюция и позволила Зимину, по мнению Панеяха, в «Витязе...» преодолеть многие устоявшиеся в предшествующей историографии стереотипы, прежде всего связанные с разрушением надуманной схемы, трактующей победу Москвы в феодальной войне как закономерное позитивное явление, в результате которого в стране установилось «прогрессивное» единовластие и самодержавие. Интересно, что отмеченный выше «прагматический подход» (выражение самого А. А. Зимина) Панеях связал с установкой, провозглашенной в 1918 г. А. Е. Пресняковым. Как утверждал Панеях, говоря о прагматическом подходе, «речь, по-видимому, должна идти о рассказе, который основывается на эмансипации факта как такового, восстановлении, как считал Пресняков, прав источника и факта вне зависимости от историографической традиции. Тем более вне социологического догматизма, вредящего критическому отношению к источникам». В этом контексте у Панеяха возникает фигура Б. А. Романова. Как пишет Панеях, «ученик А. Е. Преснякова Б. А. Романов в той же связи говорил даже о возведении «непроницаемой плотины из фактов»»[21]. Ссылка на эту фразу ключевая в формулировании как концепта *петербургской исторической школы*, так и, в конечном итоге, той картины историографии, которая рисуется в работах В. М. Панеяха.

Другим основанием в дальнейшем конструировании истории науки для В. М. Панеяха стал ценностный общественно-политический аспект. На рубеже 1980-х — 1990-х гг. с крахом советского режима Панеях получил возможность публично озвучить и свои политические взгляды. Наиболее ярко они были обозначены в статьях этого периода, посвященных работам В. Б. Кобрина (которого автор очень ценил как личность и историка). В этих текстах В. М. Панеяха возникает тема *гражданской позиции* и «нравственного императива» историка, звучит тема «обличения тоталитаризма», четкая критика шовинизма, национал-патриотизма, сталинизма, деспотизма[22].

Отмеченные обстоятельства нужно учитывать, когда мы оцениваем *второй период* творчества В. М. Панеяха, когда история исторической науки становится центральной для проблематики его творчества и который начинается в середине 1990-х гг. Мне кажется, что для Панеяха было важно не только дать оценку развитию отечественной историографии с постсоветских позиций, но и обозначить основания для дальнейшего пути развития исторической науки, оказавшейся после краха прежних идеологических парадигм в непростой методологической ситуации. Конструируя историю науки, Панеях обозначал

и то, каким он хотел видеть ее будущее с точки зрения развития исторического метода. С этим периодом его творчества тесно связано и другое обстоятельство — историк в значительной мере расширил поле своих профессиональных практик, превратившись из кабинетного ученого в университетского профессора. С 1995 г. Панеях стал деканом — организатором факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессором которого являлся до последних дней жизни. Эта новая роль в профессии, на мой взгляд, также способствовала как дальнейшему осмыслению пути национальной историографии, так и четкому формулированию своей методологической позиции, усилиям по ее утверждению.

С именем Б. А. Романова связано более 30 работ В. М. Панеяха, созданных в период с 1958 до начала 2010-х гг. Однако первая обстоятельная работа Панеяха, посвященная проблемам истории России эпохи феодализма в научном наследии Б. А. Романова, вышла в 1989 г. в журнале «История СССР»[23]. На протяжении 1990-х гг. вышла целая серия статей Панеяха о Романове, которая завершилась изданием книги «Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов» (2000)[24]. Причем надо сказать, что не весь собранный Панеяхом материал вошел в эту монографию, целый ряд работ выходил в 2000-е гг., а в 2010 г. Панеях издал один из важных источников своих исследований — переписку Б. А. Романова с Екатериной Николаевной Кушевой (1899–1990) — очень любопытный эпистолярный памятник, незаменимый для изучения истории исторической науки в Ленинграде и Москве в 1940-е — 1950-е гг.[25]

Книга В. М. Панеяха о Б. А. Романове — значительное явление в постсоветской историографической литературе. Автор не только воссоздает образ выдающегося ученого, но и реконструирует историю его творчества в контексте жизни российской науки и общества XX в. Панеях поставил перед собой задачу написать не просто «книгу ученика о своем учителе», но «работу об ученом», опирающуюся на «объективные свидетельства». В результате перед читателем разворачивается «плотина из фактов», которые дают ему возможность составить творческий и даже психологический портрет Б. А. Романова как бы независимо от автора и даже иногда не согласиться с его оценками.

В этом заключается мастерство книги, написанной в той историографической традиции, которую сам автор, вероятно, и отнес бы к исследовательской манере петербургской исторической школы. В. М. Панеяху удалось так «восстановить факты», что перед читателем возникает яркое «мозаичное» полотно полной драматизма судьбы героя книги, которое дает ему полную свободу для собственных интерпретаций, побуждает к постановке всё новых вопросов и проблем. Приходится констатировать, что и спустя почти 20 лет после издания этой монографии Панеяха в российской историографической литературе появилось немного книг такого профессионального уровня. В книге есть две основные темы, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения. Первая — Б. А. Романов как человек своей эпохи — времени революционных

бурь начала XX в., установления тоталитарного режима; и другая — Романов как ученый петербургской исторической школы (ученик А. Е. Преснякова, последователь С. Ф. Платонова), продолжающий и развивающий ее традиции.

Первая и важнейшая тема книги — судьба ученого в условиях советской социально-политической реальности, стратегия выживания профессионального историка в условиях тоталитарного режима, политической цензуры и репрессий. В. М. Панеях считает, что Б. А. Романов, «будучи представителем старой, к тому же петербургской школы, <...> рискнул вторгнуться в заповедную зону марксистско-ленинской историографии и вынужден был подчиниться некоторым ею установленным правилам». При этом Панеях солидаризируется с оценкой учителя, данной им самому себе — как «аутсайдера» исторической науки. В свое время в рецензии на эту книгу я позволил себе не согласиться как с этим, так и с другими интерпретациями автора, связанными с разными аспектами поведения Б. А. Романова в 1930-е гг. Однако сама эта возможность была обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что книга была также построена как «плотина из фактов», и открытость лаборатории работы Панеяха позволяла как оппонировать положениям автора, так и на основе его построений выдвигать иные интерпретации событий.

Вообще реконструкция социального контекста жизненного и профессионального пути Б. А. Романова — важнейшее достоинство книги В. М. Панеяха. Автору удалось тонко проанализировать «семейные» и «социальные» корни своего героя, его психологический портрет. Панеях отметил, что «ни у кого из известных мне ученых-историков их характерологические свойства не проецировались с такой отчетливостью на стиль и особенности исследовательских штудий, а внешние стороны поведения в повседневной жизни не соответствовали столь очевидно внутреннему миру». Из текста Панеяха читатель узнаёт, как создавалась школа Б. А. Романова не только в профессиональном, но и в корпоративном смысле. Автор показывает, как Романов «выстраивал мир» вокруг себя, в том числе свои отношения с учениками. Восприятие «учеников» как «сынов» свидетельствовало о том, что они как бы вводились в «семью», а не только «методологическую корпорацию». Разумеется, тема *школы Б. А. Романова* неразрывно связана с проблемным полем *петербургской/петроградской/ленинградской исторической школы* и отношения к ней ученых разных поколений.

В монографии о Б. А. Романове воссоздаются взаимоотношения основного героя книги с представителями «старой школы»: С. Ф. Платоновым, А. Е. Пресняковым, А. С. Лаппо-Данилевским, А. А. Шахматовым,— и с людьми совсем другой эпохи и другой науки: И. И. Смирновым, Д. С. Лихачевым, Н. М. Дружининым, А. А. Зиминым, и еще с более младшим поколением — со своими учениками (Н. Е. Носовым, Р. Ш. Ганелиным, А. А. Фурсенко, Б. В. Ананьичем, В. М. Панеяхом). Б. А. Романов представлен в ряду ученых «старой школы», пик научной карьеры которых пришелся на советскую эпоху и которым

в полной мере пришлось адаптироваться к условиям новой науки. Среди них на страницах книги возникают фигуры Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле, С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, А. И. Андреева, В. Н. Куна и других видных историков. Отметим, что как характеристика отношений Б. А. Романова к перечисленным ученым, так и собственные оценочные суждения, связанные с их творчеством, у В. М. Панеяха строятся с позиций его представлений о петербургской исторической школе.

Разумеется, *концепцию петербургской исторической школы*, выдвинутую В. М. Панеяхом, важно рассматривать не только в рамках положений книги о Б. А. Романове, но и целой серии статей 1990-х — 2000-х гг., в частности полемики, которую Панеях вел с В. С. Брачевым (по поводу его книги о С. Ф. Платонове)[26]. В формулировании своей концепции петербургской исторической школы Панеях опирался на анализ комплекса историографических источников второй половины XIX — первой половины XX в., прежде всего на нарративы о школе А. Е. Преснякова[27], П. Н. Милюкова[28] и С. Н. Валка[29]. Вслед за А. Е. Пресняковым Панеях указывал, что основной чертой «петербургской школы» был «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту — вне зависимости от историографической традиции»[30]. Определенную поддержку такой концепции петербургской исторической школы Панеях получил в среде своих коллег по цеху — учеников Б. А. Романова. Из них наиболее решительно поддержал точку зрения Панеяха Борис Васильевич Ананьич (1931–2015), написавший в соавторстве с ним несколько публикаций, затрагивавших эту тему. В частности, следует обратить внимание на концептуальный текст «О петербургской исторической школе и ее судьбе», выход которого по времени (2000)[31] совпал с изданием монографии Панеяха о Б. А. Романове. Следует обратить внимание, что авторы не просто следуют дискурсу, сформулированному С. Н. Валком, но и развивают его в направлении большей «демонизации» «московской школы». Б. В. Ананьич и В. М. Панеях фактически солидаризируются с А. Е. Пресняковым, противопоставляя «петербургскую школу» московской, которую он, по их словам, отождествлял с «юридической» и которая «отличалась большей идеологизированностью и склонностью к систематизации». Ананьич и Панеях также усматривают сходство между «московской школой» и школой М. Н. Покровского, подчеркивая, что последний получил образование в Московском университете. Характеризуя школу Покровского, авторы отмечают: «В противоположность принципам петербургской исторической школы, она основывалась не на анализе источников и установленных в результате него фактах, а на заранее заданной схеме, доктрине, теоретических построениях. Этим новая историческая школа внешне походила на московскую, но теория, положенная в ее основу, была резко противопоставлена исторической науке дореволюционного периода, а, следовательно, обеим старым школам — и петербургской и московской. На смену гегельянству, позитивизму и неокантианству пришел марксизм в его

ленинском толковании, правда, опиравшийся на спекулятивно интерпретированную диалектику Гегеля». К числу представителей «петербургской исторической школы» Ананьич и Панеях причисляют В. Г. Васильевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, И. М. Гревса, С. Ф. Ольденбурга, Г. В. Форстена, С. В. Рождественского, А. Е. Преснякова, Н. П. Павлова-Сильванского, Б. А. Романова и других историков рубежа веков[32]. В историографическом анализе Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха сочетаются идеи об общественной ангажированности «московской школы» (в противоположность петербургской) и идеи о специфике научного метода «петербургской школы».

Эту концепцию формировали и другие камерные тексты В. М. Панеяха второй половины 1990-х — 2000-х гг., связанные с фигурами петербургских/ленинградских ученых разных поколений — С. Ф. Платоновым, С. Н. Валком, Б. А. Романовым, В. В. Мавродиным, И. И. Смирновым, Я. С. Лурье. Так, в статье, посвященной памяти Я. С. Лурье, звучит протест против внеисточникового знания, подчеркивается традиция этого протеста, в частности указывается на известную критику А. Е. Преснякова в отношении построений С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, а С. Н. Чернова — в отношении Б. Д. Грекова, самого Я. С. Лурье — построений Л. Н. Гумилева. Таким образом, выстраивается один ряд ученых, противостоящих школе, «порвавшей с всеподавляющим приоритетом теории и априорных схем»[33]. Другая статья в этом цикле — «Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов» (1997). Эта работа В. М. Панеяха продолжает линию описания противостояния двух разных научных школ. И. И. Смирнов (1909–1965) выступает как последователь «марксистской» школы С. Н. Быковского, а Б. А. Романов — как ученик А. Е. Преснякова и продолжатель традиций петербургской школы. В этом фокусе рассматриваются их взаимоотношения и полемика. Эта тема была особенно важна для В. М. Панеяха, так как после кончины Б. А. Романова И. И. Смирнов продолжил формальным образом научное руководство его кандидатской диссертацией. В. М. Панеях подчеркивал свое почтительное и уважительное отношение к памяти И. И. Смирнова, но констатировал, что исследовательская манера последнего была ему чужда[34].

Другая работа в этом ряду, на которую следует указать, связана с деятельностью другого историка, также важного в профессиональной жизни самого В. М. Панеяха — Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987). В частности, В. В. Мавродин являлся руководителем коллективной исследовательской работы по истории крестьянской войны 1773–1775 гг., одним из основных участников которой был Панеях. Этой совместной работе главным образом и посвящена его статья о В. В. Мавродине (2008). Несмотря на мемориальный характер статьи и подчеркнуто уважительное отношение к герою воспоминаний, автор отмечает и что, с точки зрения В. В. Мавродина, Панеях предъявлял завышенные требования к другим участникам этого коллективного труда

и вообще они с В. В. Мавродиным «принадлежали к разным школам»[35]. Это указание в завуалированной форме показывает, что Панеях отграничивал Мавродина и его школу от новых поколений петербургской исторической школы (к которым он, несомненно, относил учеников А. Е. Преснякова, М. Д. Приселкова, С. Н. Валка, Б. А. Романова).

Следует обратить внимание, что схоларная проблематика и тема школы присутствуют в работах В. М. Панеяха, как правило, в тщательно восстанавливаемом социально-политическом контексте. В то же время и в своих текстах, связанных с институциональной историей науки, Панеях затрагивает несколько важных моментов истории петербургской школы (например эпизод, связанный с ликвидацией ЛОИИ в 1953 г.)[36]. Пожалуй, наибольшее число таких работ посвящено известному Академическому делу 1929–1931 гг. (можно отметить целую серию статей, в том числе совместных с А. Н. Цамутали и Б. В. Ананьичем[37]). С точки зрения прояснения историографической и гражданской позиции самого Панеяха, укажем, например, на небольшой текст 2003 г. «К спорам об “Академическом деле” 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах». Статья эта интересна не только подробным изложением перипетий историографической полемики вокруг Академического дела, но и разъяснением ряда положений, вероятно, важных для Панеяха с методической точки зрения. Автор, с одной стороны, протестует против принятия на веру показаний такого специфического источника. С другой стороны, он решительно возражает и против крайней капитулянтской позиции, связанной с отказом от публикации и использования материалов сфабрикованного ОГПУ дела. Суть предложений Панеяха заключается в отбрасывании однотипных тенденциозных показаний как недостоверных при одновременном критическом анализе нетипичных и «излишних» с точки зрения логики следствия и самооговора элементов[38]. Важным пафосом работ В. М. Панеяха была доказательная реконструкция не только того, как проходило само дело, но и политического контекста, того, что Академическое дело не являлось результатом происков М. Н. Покровского (к чему по сути склонялись некоторые его оппоненты), а было инспирировано властью и отражало общую эволюцию в политике режима.

Из других текстов В. М. Панеяха 2000-х гг., связанных с историей исторической науки в контексте политики, следует выделить статью «Русские историки после октября семнадцатого». В ней фокус рассмотрения событий в цехе историков уже не схоларный, а политический. Панеях показывает, как политические взгляды, мировоззрения историков старой школы предопределяли характер их отношений с советской властью как в годы революции и Гражданской войны, так и позже. Любопытно и, вероятно, справедливо наблюдение о том, что в «условиях перехода от интернационализма к имперскому патриотизму в середине 30-х гг. востребованными оказались именно те историки старой школы, которые после октября 1917 года были настроены враждебно к партийно-советской диктатуре» — Ю. В. Готье, С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин[39].

Таким образом, статьи, посвященные разным сюжетам, показывают в совокупности, что у В. М. Панеяха сформировалась собственная самостоятельная и продуманная картина развития российской исторической науки и схема методологической эволюции национальной историографии, которая оказывает постоянное влияние на современные историографические штудии[40]. Суть этой концепции — утверждение непрерывного развития методологических традиций петербургской/ленинградской исторической школы, основанной на приоритете источникового знания. Эта школа (и корпорация, в которую входила лишь часть петербургских/ленинградских историков), таким образом, противостояла как диктату разных социологических доктрин XIX — начала XX в., так и идеологическому и политическому давлению советской власти и советской историографии. Полемика с этой концепцией (ведущаяся с самых разных точек зрения) также хорошо известна[41]. Но ее сила в том, что, говоря любимыми словами В. М. Панеяха, она отталкивается от «восстановления прав» источника и факта — в данном случае историографических источников и фактов. При этом историки и тексты существуют в картине В. М. Панеяха в социальном контексте того политического и идеологического заказа, который присутствовал в исторической науке. В этом сочетании контекста и системности историографических объяснений — несомненное достоинство работ В. М. Панеяха и залог их востребованности в нашей историографии.

---

1 В основе статьи доклад, прочитанный автором в заседании Ученого совета Санкт-Петербургского института истории РАН 19 июня 2018 г.

2 См., напр.: *Şerban C.* [Рец.: *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л.: Наука, 1967] // Studii: Rev. de istorie. Bucureşti, 1969. N 2. P. 385–387; *Зимин А. А.* [Рец.: *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л.: Наука, 1975] // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 165–168; *Скрынников Р. Г.* Рабство и кабала в XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 156–169; *Goehrke C.* [Рец.: *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л.: Наука, 1975] // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1978. Bd. 26, Hf. 2. S. 267–272; *Ермолаев И. П.* [Рец.: *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. Л.: Наука, 1984.] // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 116–118; *Кобрин В. Б.* [Рец.: *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. Л.: Наука, 1984] // История СССР. 1986. № 2. С. 185–187; *Курсков Ю. В.* [Рец.: *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. Л.: Наука, 1984] // РЖ. Общественные науки в СССР. Сер. 5: История. 1985. № 4. С. 69–71; *Каганович Б. С.* [Рец.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000] // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 210–211; *Ростовцев Е. А.* Ученый в контексте эпохи // Нестор. 2000. № 4. СПб., 2004. С. 336–342; *Ананьич Б. В., Фурсенко А. А.* Историк России — В. М. Панеях // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха / Отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 9–12; *Вовина-Лебедева В. Г.* Виктор Моисеевич Панеях // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. С. 16–34; *Зимин А. А.* [Отрывок из воспоминаний] // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. С. 13–15; *Вовина-Лебедева В. Г.* Виктор Моисеевич Панеях // Виктор Моисеевич Панеях. (К 80-летию со дня рождения). Биобиблиографический указатель трудов, 1952–2010 / Сост. Е. Н. Ропакова, при участии О. М. Беляевой, В. Г. Вовиной-Лебедевой, Е. А. Ростовцева. СПб., 2010. С. 6–10 и др.

3 *Вовина-Лебедева В. Г.* Историк Виктор Моисеевич Панеях // Клио. 2017. № 8 (128). С. 206–216; *Кром М. М.* Памяти Виктора Моисеевича Панеяха // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2017. № 3 (38). С. 33–36; *Ростовцев Е. А.* Виктор Моисеевич Панеях // Генеалогический вестник. СПб., 2017. Вып. 56. С. 116–118.

[4] Виктор Моисеевич Панеях. (К 80-летию со дня рождения). Биобиблиографический указатель трудов, 1952–2010. С. 11–28.
[5] *Панеях В. М.* Историографические этюды. СПб., 2005.
[6] *Панеях В. М.* О книге А. Г. Манькова «Цены и их движение в русском государстве» (М.; Л., 1951. 273 с.) // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 141–146 (последнее издание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 8–16).
[7] *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 5–6.
[8] *Панеях В. М.* О книге А. Г. Манькова... С. 9.
[9] *Панеях В. М.* В творческой лаборатории Пушкина-историка [Рец. на кн.: *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969] // Русская литература. 1970. № 3. С. 207–211.
[10] *Панеях В. М.* В творческой лаборатории Пушкина-историка. С. 210.
[11] *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 6–7.
[12] *Панеях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.: Новые материалы, концепции, перспективы изучения: [по поводу кн.: Корецкий Вадим Иванович. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970] // История СССР. 1972. № 1. С. 157–165. (*Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 17–40).
[13] См.: *Панеях В. М., Чистов К. В.* Отзыв [09.12.1982] о рукописи книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь: Очерки отеч. историографии» // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст.: К 60-летию И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 789–792.
[14] См.: *Панеях В. М.* Об издании научного наследия А. А. Зимина // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 187–188. Ср.: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х гг. / Вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 2010. С. 122, 514.
[15] *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Т. X. С. 55–10. (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 41–57).
[16] Свою концепцию дипломатики и истории древнерусского акта С. Н. Валк изложил в нескольких работах. См.: *Валк С. Н.*: 1) [Рец.:] *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 249–257; 2) Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 113–132; 3) Начальная история древнерусского акта // ВИД. М.; Л., 1937. С. 218–318. Ср.: *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики... С. 55–70.
[17] *Панеях В. М.* Время возникновения древнерусского частного акта: (Историогр. заметки) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1994. Т. 25. С. 19–40.
[18] *Панеях В. М.* А. И. Копанев и академическое издание Судебника 1589 г. // Александр Ильич Копанев: Сб. ст. и воспоминаний. СПб., 1992. С. 23–27.
[19] *Панеях В. М.* 1) Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 14. С. 107–135 (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 58–89); 2) Панорама истории России XV–XVI вв. А. А. Зимина: К выходу в свет его книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 70–81. (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 95–112).
[20] *Панеях В. М.* 1) «Нужно быть жестоким...»?: (Рец. на кн.: *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989] // Звезда. 1990. № 5. С. 174–176; 2) Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобрина // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина: Тез. докл. и сообщ., Москва, 26–29 янв. 1992 г. М., 1992. С. 16–18 (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 113–124); 3) Владимир Борисович Кобрин и его книга «Иван Грозный» // Усов В. А. Цари и скитальцы. Кобрин В. Б. Иван Грозный. СПб., 1992. С. 620–623. (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 90–94).
[21] *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 101.
[22] *Панеях В. М.* 1) «Нужно быть жестоким...»? 2) Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобрина; 3) Владимир Борисович Кобрин и его книга «Иван Грозный».

[23] *Панеях В. М.* Проблемы истории России эпохи феодализма в научном наследии Б. А. Романова // История СССР. 1989. № 1. С. 131–143.
[24] *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
[25] Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / Сост. В. М. Панеях. СПб., 2010.
[26] *Панеях В. М.* О книге В. С. Брачева «Русский историк Сергей Федорович Платонов» (СПб., 1995) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 136–141. (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 223–234); *Брачев В. С.* Возражения критикам // Клио (СПб.). 1998. № 3 (5). С. 347–348; *Панеях В. М.* О полемической заметке В. С. Брачева «Возражения критикам» // Клио. 1999. № 2 (8). С. 362–364.
[27] *Пресняков А. Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920.
[28] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 161–162.
[29] *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79. (Переиздание: *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии. С. 7–106).
[30] *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 21.
[31] *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113. См. также: *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* Историческая наука в Академии и академических учреждениях Петербурга // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и культурному наследию 2005. СПб., 2006. С. 15–47.
[32] *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе... С. 105–113.
[33] *Панеях В. М.* Яков Соломонович Лурье и петербургская историческая школа// In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 133–146. (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 152–165).
[34] Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // У источника. М., 1997. Вып. 1: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. Ч. 2. С. 490–545. (Переиздание: *Панеях В. М.* Историографические этюды. С. 187–222).
[35] *Панеях В. М.* В. В. Мавродин — руководитель работы по исследованию пугачевского восстания // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей. СПб.; Киев; Минск, 2008. С. 17–20.
[36] *Панеях В. М.* Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Россия в XX в.: Судьбы ист. науки. М., 1996. С. 686–696.
[37] *Ананьич Б. В., Панеях В. М., Цамутали А. Н.* Предисловие: [Ист. разд.] // Академическое дело 1929–1931 гг.: Док. и материалы следств. дела, сфабрик. ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению акад. С. Ф. Платонова. С. V–LX; *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. 1999. Т. 2 (120). С. 338–350; *Панеях В. М.* 1) «Академическое дело» 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы в России: (сравнит. характеристика) // Россия в IX–XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения: [Сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина, Москва, 26–28 янв. 1995 г.]. М., 1999. С. 38–39; 2) О следственном деле Б. Д. Грекова 1930–1931 гг. // Отечественная история. 2001. № 4. С. 208–210 и др.
[38] *Панеях В. М.* К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Россия и проблемы современной истории: средневековье, новое и новейшее время: сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. М., 2003. С. 303–319.
[39] *Панеях В. М.* Русские историки после октября семнадцатого // Vittorio: Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М., 2005. С. 266–287.
[40] См.: *Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* «Петербургская историческая школа» XVIII — начала XX в.: историографический контекст и методы исследования // Былые годы. 2018. Т. 49. Вып. 3. С. 1046–1060.
[41] См., напр.: *Кривошеев Ю. В.* [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня: Материалы науч. конф. / Сост. и ред. Т. Н. Жуковская, А. Д. Марголис.

СПб., 1997. С. 55–58; *Брачев В. С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Кистерев С. Н.* Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России: Сб. ст. М., 2003. Вып. 7. С. 5–28; *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и петербургский университеты. М., 2003. С. 392–414 и др.

References

ANAN'ICH B. V., PANEYAH V. M "*Akademicheskoe delo*" *kak istoricheskij istochnik* ["Academic case" as a historical source] // Istoricheskie zapiski. 1999. T. 2 (120). S. 338–350.

ANAN'ICH B. V., PANEYAH V. M. *O peterburgskoj istoricheskoj shkole i ee sud'be* [On the St. Petersburg historical school and its fate] // Otechestvennaya istoriya. 2000. N 5. S. 105–113.

ANAN'ICH B. V., PANEYAH V. M., TSAMUTALI A. N. *Predislovie* [Foreword] // Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dok. i materialy sledstv. dela, sfabrik. OGPU. SPb., 1993. Vyp. 1: Delo po obvineniyu akad. S. F. Platonova. S. V–LX.

ANAN'ICH B. V., FURSENKO A. A. *Istorik Rossii — V. M. Paneyah* [Russian historian — V. M. Paneyah] // Vremena i sud'by. Sbornik statej v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyaha / Otv. red. V. G. Vovina-Lebedeva. SPb., 2006. S. 9–12.

ANAN'ICH B. V., PANEYAH V. M. *Istoricheskaya nauka v Akademii i akademicheskih uchrezhdeniyah Peterburga* [Historical science in the Academy and academic institutions of St. Petersburg] // Trudy ob"edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i kul'turnomu naslediyu. 2005. SPb., 2006. S. 15–47.

DVORNICHENKO A. YU., ROSTOVTSEV E. A., BARINOV D. A. "*Peterburgskaya istoricheskaya shkola*" *XVIII — nachala XX v.: istoriograficheskij kontekst i metody issledovaniya* ["St. Petersburg historical school" of the 18th — early 20th Century: Historical context and research methods] // Bylye gody. 2018. T. 49. Vyp. 3. S. 1046–1060.

Ekaterina Nikolaevna Kusheva — Boris Aleksandrovich Romanov. Perepiska 1940–1957 godov [Ekaterina Nikolaevna Kusheva — Boris Aleksandrovich Romanov. Letters of 1940–1957] / Sost. V. M. Paneyah. SPb., 2010.

ERMOLAEV I. P. [*Rev.: Paneyah V. M. Holopstvo v pervoj polovine XVII v. L.: Nauka, 1984*] [Rev.: *Paneyah V. M.* Servility in the first half of the 17th Century. L.: Nauka, 1984] // Voprosy istorii. 1986. N 5. S. 116–118.

GOEHRKE C. [*Rev.: Paneyah V. M. Holopstvo v XVI — nachale XVII v.* L.: Nauka, 1975] [Rev.: *Paneyah V. M.* Servility in 16th — early 17th Century. L.: Nauka, 1975] // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1978. Bd. 26, Hf. 2. S. 267–272.

Istoriya spora o podlinnosti "Slova o polku Igoreve": materialy diskussii 1960-h gg. [The history of the dispute about authenticity of the "Word about Igor's regiment": materials from the 1960s debate] / Vst. stat'ya, sost., podg. tekstov i komm. L. V. Sokolovoj. SPb., 2010.

KAGANOVICH B. S. [*Rev.: Paneyah V. M. Tvorchestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000*] [Rev.: *Paneyah V. M.* Creativity and the fate of the historian: Boris Aleksandrovich Romanov] // Novaya i novejshaya istoriya. 2002. N 4. S. 210–211.

KISTEREV S. N. *Vekhi v istoriografii russkogo letopisevedeniya* [Milestones in the historiography of Russian chronicle study] // Ocherki feodal'noj Rossii: Sb. st. M., 2003. Vyp. 7. S. 5–28.

KOBRIN V. B. [*Rev.: Paneyah V. M. Holopstvo v pervoj polovine XVII v. L.: Nauka, 1984*] [Rev.: *Paneyah V. M.* Servility in the first half of the 17th Century. L.: Nauka, 1984] // Istoriya SSSR. 1986. № 2. S. 185–187.

KRIVOSHEEV YU. V. [*Vystuplenie v preniyah*] [Speech in debate] // Tret'i martovskie chteniya pamyati S. B. Okunya: Materialy nauch. konf. / Sost. i red. T. N. ZHukovskaya, A. D. Margolis. SPb., 1997. S. 55–58.

KROM M. M. *Pamyati Viktora Moiseevicha Paneyaha* [In memory of Viktor Moiseevich Paneyakh] // Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2017. N 3 (38). S. 33–36.

KURSKOV YU. V. [*Rev.: Paneyah V. M. Holopstvo v pervoj polovine XVII v. L.: Nauka, 1984*] [Rev.: *Paneyah V. M.* Servility in the first half of the 17th Century. L.: Nauka, 1984] // RZH Obshchestvennye nauki v SSSR. Ser. 5, Istoriya. 1985. N 4. S. 69–71.

PANEYAH V. M. *"Nuzhno byt' zhestokim..."?* [Rets. na kn.: *Kobrin V. B.* Ivan Groznyj. M., 1989] ["Need to be cruel..."?: Rev.: *Kobrin V. B.* Ivan Groznyj. M., 1989] // Zvezda. 1990. N 5. S. 174–176.

PANEYAH V. M. *A. I. Kopanev i akademicheskoe izdanie Sudebnika 1589 g.* [A. I. Kopanev and the academic edition of the Sudebnik of 1589] // Aleksandr Il'ich Kopanev: Sb. st. i vospominanij. SPb., 1992. S. 23–27.

PANEYAH V. M. "*Akademicheskoe delo*" *1929–1931 gg. i srednevekovye politicheskie protsessy v Rossii: (sravnit. harakteristika)* ["Academic case" of 1929–1931 and medieval political suits in Russia (a comparative description)] // Rossiya v IX–XX vv.: Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya. M., 1999. S. 38–39.

PANEYAH V. M. *Boris Aleksandrovich Romanov i Ivan Ivanovich Smirnov* [Boris Aleksandrovich Romanov and Ivan Ivanovich Smirnov] // U istochnika. M., 1997. Vyp. 1: Sb. st. v chest' S. M. Kashtanova. CH. 2. S. 490–545.

PANEYAH V. M. *Istoriograficheskie ehtyudy*. [Historiographical etudes]. SPb., 2005.

PANEYAH V. M. *K sporam ob* "*Akademicheskom dele*" *1929–1931 gg. i drugih sfabrikovannyh politicheskih protsessah* [To disputes about the "Academic Case" of 1929–1931 and other fabricated political suits] // Rossiya i problemy sovremennoj istorii: srednevekov'e, novoe i novejshee vremya: sb. statej v chest' chl.-kor. RAN S. M. Kashtanova. M., 2003. S. 303–319.

PANEYAH V. M. *Likvidatsiya Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii AN SSSR v 1953 g.* [Liquidation of the Leningrad Branch of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1953] // Rossiya v XX v.: Sud'by ist. nauki. M., 1996. S. 686–696.

PANEYAH V. M. *O knige A. G. Man'kova "TSeny i ih dvizhenie v russkom gosudarstve"* (*M.; L., 1951. 273 s.*) [On the book by A. G. Man'kov "Prices and their movement in the Russian state" (M.; L., 1951. 273 p.)] // Voprosy istorii. 1952. N 12. S. 141–146.

PANEYAH V. M. *O knige V. S. Bracheva "Russkij istorik Sergej Fedorovich Platonov"* (SPb., 1995) [On the book by V. S. Brachev "Russian historian Sergey Fedorovich Platonov" (SPb., 1995)] // Otechestvennaya istoriya. 1998. N 3. S. 136–141. (Pereizdanie — *Paneyah V. M.* Istoriograficheskie ehtyudy. [Historiographical etudes]. SPb., 2005. S. 223–234).

PANEYAH V. M. *O polemicheskoj zametke V. S. Bracheva "Vozrazheniya kritikam"* [About polemical note by V. S. Brachev "Objection to critics"] // Klio. 1999. N 2 (8). S. 362–364.

PANEYAH V. M. *O sledstvennom dele B. D. Grekova 1930–1931 gg.* [On the investigation of B. D. Grekov 1930–1931] // Otechestvennaya istoriya. 2001. N 4. S. 208–210.

PANEYAH V. M. *Ob izdanii nauchnogo naslediya A. A. Zimina* [On the publication of A. A. Zimin's scientific heritage] // Voprosy istorii. 1990. N 9. S. 187–188.

PANEYAH V. M. *Panorama istorii Rossii XV — XVI vv. A. A. Zimina: K vyhodu v svet ego knigi "Vityaz' na rasput'e"* [Panorama of the history of Russia of 15th–16th centuries by A. A. Zimin: To the publication of his book "The Knight at the Crossroads"] // Otechestvennaya istoriya. 1992. N 6. S. 70–81.

PANEYAH V. M. *Problemy istorii Rossii ehpohi feodalizma v nauchnom nasledii B. A. Romanova* [Problems of Russian history of the era of feudalism in the scientific heritage of B. A. Romanov] // Istoriya SSSR. 1989. N 1. S. 131–143.

PANEYAH V. M. *Russkie istoriki posle oktyabrya semnadtsatogo* [Russian historians after October 1917] // Vittorio: Mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik, posvyashchennyj 75-letiyu Vittorio Strady. M., 2005. S. 266–287.

PANEYAH V. M. *Tvorchestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov.* [Creativity and the fate of the historian: Boris Aleksandrovich Romanov]. SPb., 2000.

PANEYAH V. M. *Problemy diplomatiki chastnogo akta v trudah S. N. Valka* [Problems of diplomatics of a private act in the works of S. N. Valk] // VID. L., 1978. T. X. S. 55–10.

PANEYAH V. M. *V tvorcheskoj laboratorii Pushkina-istorika* [Rets. na kn.: *Ovchinnikov R. V.* Pushkin v rabote nad arhivnymi dokumentami ("Istoriya Pugacheva"). L., 1969] [In the creative laboratory of Pushkin-historian: Rev.: *Ovchinnikov R. V.* Pushkin in the work on archival documents ("Pugachev's story")] // Russkaya literatura. 1970. N 3. S. 207–211.

PANEYAH V. M. *V. V. Mavrodin — rukovoditel' raboty po issledovaniyu pugachevskogo vosstaniya* [V. V. Mavrodin as Pugachev Rebellion Research Leader] // Problemy otechestvennoj istorii: Istochniki, istoriografiya, Issledovaniya. Sbornik nauchnyh statej. SPb.; Kiev; Minsk: Nestor-Istoriya, 2008. S. 17–20.

PANEYAH V. M. *Vladimir Borisovich Kobrin i ego kniga "Ivan Groznyj"* [Vladimir Borisovich Kobrin and his book "Ivan Groznyj"] // Usov V. A. TSari i skital'tsy. Kobrin V. B. Ivan Groznyj. SPb., 1992. S. 620–623. (Pereizdanie — *Paneyah V. M.* Istoriograficheskie ehtyudy. [Historiographical etudes]. SPb., 2005. S. 90–94).

PANEYAH V. M. *Vremya vozniknoveniya drevnerusskogo chastnogo akta: (Istoriogr. zametki)* [The time of the emergence of an Old Russian private act: (historiographical notes)] // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. 1994. T. 25. S. 19–40.

PANEYAH V. M. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v nauchnom nasledii A. A. Zimina* [Auxiliary historical disciplines in the scientific heritage of A. A. Zimin] // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. 1983. T. 14. S. 107–135.

PANEYAH V. M. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v nauchnom nasledii V. B. Kobrina* [Auxiliary historical disciplines in the scientific heritage of V. B. Kobrin] // Problemy otechestvennoj istorii i kul'tury perioda feodalizma: CHteniya pamyati V. B. Kobrina: Tez. dokl. i soobshch., Moskva, 26–29 yanv. 1992 g. M., 1992. S. 16–18.

PANEYAH V. M. *Yakov Solomonovich Lur'e i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [Yakov Solomonovich Lur'e and the St. Petersburg historical school] // In memoriam: Sb. pamyati YA. S. Lur'e. SPb., 1997. S. 133–146.

PANEYAH V. M. *Zakreposhchenie krest'yan v XVI v.: Novye materialy, kontseptsii, perspektivy izucheniya*: [po povodu kn.: *Koretskij Vadim Ivanovich*. Zakreposhchenie krest'yan i klassovaya bor'ba v Rossii vo vtoroj polovine XVI v. M., 1970] [The enslavement of the peasants in the 16th century: new materials, concepts, perspectives of study (on the book: Koretskij Vadim Ivanovich. The enslavement of the peasants and the class struggle in Russia in the second half of the 16th century. M., 1970)] // Istoriya SSSR. 1972. N 1. 157–165.

PANEYAH V. M., CHISTOV K. V. *Otzyv o rukopisi knigi I. YA. Froyanova "Kievskaya Rus': Ocherki otech. istoriografii"* [09.12.1982] [Feedback [09.12.1982] on the manuscript of the book by I. Ya. Froyanov: "Kievan Rus: Essays on Russian Historiography"] // Srednevekovaya i novaya Rossiya: Sb. nauch. st.: K 60-letiyu I. YA. Froyanova. SPb., 1996. S. 789–792.

PRESNYAKOV A. E. *Rech' pered zashchitoj dissertatsii pod zaglaviem "Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva.* [Speech before defending a thesis under the title "Formation of the Great Russian State"]. Pg., 1920.

ROSTOVTSEV E. A. *Viktor Moiseevich Paneyah* // Genealogicheskij vestnik. SPb., 2017. Vyp. 56. S. 116–118.

ROSTOVTSEV E. A. *Uchenyj v kontekste ehpohi* [Scientist in the context of the epoch] // Nestor. 2000. N 4. SPb., 2004. S. 336–342.

ŞERBAP S. [*Rev.: Paneyah V. M. Kabal'noe holopstvo na Rusi v XVI veke. L.: Nauka, 1967*] [Rev.: *Paneyah V. M.* Bonded servility in Russia in the 16th century. L.: Nauka, 1967] // Studii: Rev. de istorie. Bucureşti, 1969. N 2. R. 385–387.

SHAHANOV A. N. *Russkaya istoricheskaya nauka vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka: Moskovskij i peterburgskij universitety*. [Russian historical science of the second half of the 19th — early 20th century: Moscow and St. Petersburg universities]. M., 2003.

SKRYNNIKOV R. G. *Rabstvo i kabala v XVI v.* [Slavery and bondage in the 16th century] // Istoriya SSSR. 1976. N 3. S. 156–169.

VALK S. N. [Rev.:] *Lappo-Danilevskij A. S. Ocherk russkoj diplomatiki chastnyh aktov* [Lappo-Danilevskij A. S. Essay on Russian diplomatics of private acts] // RIZH. 1922. Kn. 8. S. 249–257.

VALK S. N. *Gramoty polnye* [Full charters] // Sbornik statej po russkoj istorii, posvyashchennyh S. F. Platonovu. Pg., 1922. S. 113–132.

VALK S. N. *Nachal'naya istoriya drevnerusskogo akta* [The initial history of the Old Russian act] // VID. M.; L., 1937. S. 218–318.

VALK S. N. *Istoricheskaya nauka v Leningradskom universitete za 125 let* [Historical science at the University of Leningrad for 125 years] // Trudy yubilejnoj sessii LGU. Sektsiya istoricheskih nauk. L., 1948. S. 3–79.

Viktor Moiseevich Paneyah. (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Biobibliograficheskij ukazatel' trudov, 1952–2010. [Viktor Moiseevich Paneyah. (To the 80th anniversary of birth). Bibliographic index of works, 1952–2010] / Sost. E. N. Ropakova, pri uchastii O. M. Belyaevoj, V. G. Vovinoj-Lebedevoj, E. A. Rostovtseva. SPb., 2010. S. 11–28.

VOVINA-LEBEDEVA V. G. *Viktor Moiseevich Paneyah* // Viktor Moiseevich Paneyah. (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Biobibliograficheskij ukazatel' trudov, 1952–2010 / Sost. E. N. Ropakova, pri uchastii O. M. Belyaevoj, V. G. Vovinoj-Lebedevoj, E. A. Rostovtseva. SPb., 2010.

VOVINA-LEBEDEVA V. G. *Viktor Moiseevich Paneyah* // Vremena i sud'by. Sbornik statej v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyaha / Otv. red. V. G. Vovina-Lebedeva. SPb.,2006. S. 16–34.

VOVINA-LEBEDEVA V. G. *Istorik Viktor Moiseevich Paneyah* [The Historian Viktor Moiseevich Paneyah] // Klio. 2017. N 8 (128). S. 206–216.

ZIMIN A. A. [*Otryvok iz vospominanij*]. [Fragment of memories] // Vremena i sud'by. Sbornik statej v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyaha / Otv. red. V. G. Vovina-Lebedeva. SPb., 2006. S. 13–15.

ZIMIN A. A. [*Rev.: Paneyah V. M. Holopstvo v XVI — nachale XVII v. L.: Nauka, 1975*] [Rev.: *Paneyah V. M.* Servility in 16th — early 17th Century. L.: Nauka, 1975] // Voprosy istorii. 1976. N 9. S. 165–168.

Е. А. Ростовцев. В. М. Панеях как историограф и историк науки

В фокусе статьи один из аспектов творчества и научного наследия Виктора Моисеевича Панеяха (1930–2017) — его труды, посвященные историографии и истории науки. В статье выделяются периоды творчества В. М. Панеяха как историографа, показан процесс формирования концепции петербургской исторической школы, ставшей для него ключевым инструментом объяснения и конструирования истории российской историографии XIX–XX вв. Результатом изысканий Панеяха стало построение определенной картины развития российской историографии, представленной в контексте социально-политической истории страны. Подчеркивается, что системность и стройность результатов историографических наблюдений ученого обусловили востребованность его концепции.

Ключевые слова: В. М. Панеях, петербургская историческая школа, историография, С. Н. Валк, А. А. Зимин, В. Б. Кобрин, В. И. Корецкий, В. В. Мавродин, А. Г. Маньков, Я. С. Лурье, Б. А. Романов.

E. A. Rostovtsev. V. M. Paneyakh as historiographer and historian of science

In the focus of the article, one of the aspects of creativity and scientific heritage of Victor Moiseevich Paneyakh (1930–2017) — his papers on the historiography and the history of science. The article highlights the periods of creativity of V. M. Paneyakh as a historiographer, shows the process of formation of the concept of the St. Petersburg historical school, which became for V. M. Paneyakh the key tool for explaining and constructing the history of Russian historiography of the 19th–20th centuries. The significance of the works of V. M. Paneyakh, dedicated to his teacher B. A. Romanov. The result of historiographical researches of V. M. Paneyakh was the construction of a certain picture of the development of Russian historiography, presented in the context of the socio-political history of the country. It is emphasized that the systematic and harmonious results of the historiographical observations of the scientist led to the demand for his concept.

Key words: V. M. Panehyakh, St. Petersburg Historical School, History of Science, Russian Historiography, Soviet Historiography, S. N. Valk, A. A. Zimin, V. B. Kobrin, V. I. Koretsky, V. V. Mavrodin, A. G. Mankov, Y. S. Lurie, B. A. Romanov.

Ростовцев, Евгений Анатольевич — д. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

Rostovtsev, Evgenii Anatolievich — Doctor of History, Associate Professor, St. Petersburg State University.

E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru